

УДК 811.114

«ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА» ДЕТСКОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА¹**В. К. Харченко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru*

Исследуются словообразовательные предпочтения и удельный вес словотворчества в детской речи на материале двух годовых срезов (2009 и 2010 гг.) по собранным фактам сплошной фиксации всех отступлений от норм языка в речи одних и тех же детей.

Ключевые слова: детская речь, словотворчество, способы словообразования, суффиксация, контаминация.

Детское словотворчество традиционно, то есть устойчиво, регулярно, интенсивно, изучается как единый совокупный континуум фактов, «точек», примеров на всевозможные способы словообразования. Делается это, конечно же, с обязательной фиксацией возраста ребенка в момент «изобретения» им того или иного «индивидуально-авторского» слова. Другой, тоже традиционный путь анализа, – детально описывать тот или иной конкретный способ словопроизводства, представленный в речи детей [1].

И в том, и в другом случае, разумеется, берутся разные информанты, что делает выводы и убедительными, и во многом «универсальными». Такие исследования можно и нужно продолжать, тем более что динамика современной жизни вносит свою лепту, в том числе, и в процесс детского словосозидания, словотворения. И речь идёт не только о компьютерной тематике словотворческого процесса и не только о персонификации новых мультфильмов (чаще – мультсериалов!). Так, ещё лет 15 – 20 тому назад невозможно было представить, какой отклик в речи детей и в их играх найдёт тема динозавров, поддерживаемая промышленностью игрушек, игр, производством книг и научно-популярных фильмов. *У трицератопса два больших рога, а один маленький. Вот такой как папина флешка! (4,10). Мама мне тыкву принесла понюхать. Такая не тыква, можно сказать, а какая-то вообще вкуснозавр, вкусотыква (4,1). Раскрашивает: Пластины у стегозавра красные, как будто он их кровью набрал! (5,0). – Гадюки такие ловкие! – А что, динозавры еще ловче! (5,5). Танцует со «страшной» гримасой: Я по-цевилозаврему танцую.(4,11).*

Новый материал всегда обогащает и по-своему, по-новому освещает даже традиционные пути теоретического его прочтения, анализа, в том числе и материал по словотворчеству: *вкуснозавр, по-цевилозаврему.*

В своем исследовании, однако, мы попытались рассмотреть феномен детского словотворчества с несколько иных позиций, а именно: взять одних и тех же испытуемых и на общей карте непопаданий их слов, словоформ, высказываний в норму и заведомой игры в слова (такие «карты непопаданий», точнее ковровые записи всех отклонений у нас составлены!) пронаблюдать феномен словотворчества.

Итак, ещё не планируя данного исследования, на протяжении нескольких лет мы фиксировали «методом сплошной выборки» все самые различные «ошибки» детской речи, наблюдая над речью двух братьев Льва и Евгения, разница в возрасте которых составляет 3 г. 1 м.

Сразу оговорим два момента. Первое: применительно к языку детей термин «ошибка» звучит не вполне корректно в силу пейоративной коннотации самого слова. Об условности термина «ошибка» применительно к онтогенезу, онтолингвистике не-

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

однократно писала известный исследователь детской речи С. Н. Цейтлин, подчёркивая, что детское слово нередко более системно, нежели взрослое слово-исключение [2]. Второе – это ограниченность материала. «Все» непопадания в норму, «все» шероховатости зафиксировать мы, естественно, никак не могли по следующим причинам.

Во-первых, потому, что наблюдали детей от трёх до пяти часов в день, но никак не 24 часа в сутки, то есть оказывались в позиции «приходящего наблюдателя». И в течение месяца отнюдь не каждый день велись наблюдения. Так, личное общение с детьми в течение месяца покрывало из 30-31 дня в среднем лишь 17, максимум 20 дней.

Во-вторых, действовал «человеческий фактор»: своевременно, по горячим следам, не записанное детское слово, или реплика в диалоге, или, тем более, целое высказывание подчас невозможно было восстановить. И, тем не менее, в итоге даже таких, с перфорациями, наблюдений был собран значительный и «говорящий» материал, способный дать ответы, в частности на поставленные далее вопросы по аспектам детского словотворчества.

Пожалуй, целесообразно привести без купюр хотя бы два фрагмента таких записей.

2 января 2009 г.

Женя папе: Ты баловник! – А мама кто? – Никто? Фу, я уже язык перепутал (сломал).

Лев: Паучок очень огромный! <...> Отряд пауковых (паукообразных).

Женя: Смотри, динозаврик (ест) яица (яйца).

Я: Клади второе яйцо. Женя: Это я буду кладить.

Лев Жене: НевЕрщик ты!

Левчик спокойно читает. Женя сердится: Это меня уже обалдело! – Что? – Ну Левчик мне обалдел. – Как? Он мне мешает.

Женя: Машины поЕдят (поедут).

Женя выпаливает одним залпом: Качай меня сильно-сильно-сильно-сильнее!

Женя о динозавре, окуная его в банку с пластмассовыми буквами: Он попал в краску! Я: Да как же это так получилось? – Да никак это не так получилось (никак не получилось).

Женя говорит за динозавра: Не надо меня плесть Мне больно будет. Этого заплёли (заплели) в паутину.

Играем: Я: Сейчас я тебе дам креветку! Женя: Я сам дАю (возьму).

3 января 2009 г.

Женя о мозаике: Ещё не подавай (больше не подавай)! <...> Я это собирал, когда (пока) ты не пришла (когда тебя не было).

Женя о том, что много посуды с едой на столе: Сколько обеда!

Лев говорит за динозавра: Что? Это стегозавр. Он нам вреда не даст (не принесёт)!

4 января 2009 г.

Женя красит красками: Это еда (что-то фиолетовое). Это едУт (едят).

Женя: Ещё песокчек!

Женя прыгает на мягком большом стуле-Пифе, поставленном на папин диван: Какой я летучий! <...> Какой я летучий сегодня!

Женя берёт толстый том «В. Высоцкий»: Я почитаю! Потом достаёт с той же полки обычную тетрадь, ставит на место: Это не научная!

Женя о шапке, которую мы часто как мяч кидаем в коридоре: Погоди, я кидУ(кину)! Больше хватит! <...> Больше хватит, но не хватит.

На качелях Женя: Не пихай (не качай) меня сильно-сильно.

5 января 2009 г.

Лев: Марсианец (марсианин). <...> Очень сильный метеорит упал на нашу планету.

Лев за игрой: Это древнее семенО растения (семя древнего растения)!

Лев: Надо сварить (приготовить) лекарство.

Лев: Можно сказать про острова, что они мигрируют?

Женя спал. Лев сбросил с дивана мелкие игрушки: А планета тоже рухнет. Тут всё в другое место пересЫпалось.

1 января 2010 г.

Я: Елка моя (сосновая ветка) не пахнет. Лев: Или нюх сорвался (испарился).

О Лялиной кошке Лошадке. Я: Женечка с Лошадкой познакомился. Женя: Но она убежала. Так нечестно!

Я: Попить дать? Хочешь компотику? Женя: Хочу! Компотику! Отличная идея! Баб, спасибо, что дашь. Хорошая идея, я хочу компотику.

Женя: Я сплю одновременно с открытыми глазами.

Женя: А компот и варенье чем отличаются, баб, я забыл?

Лев смотрит книгу: Смотри, какую газель растрепал.

Лев: Я её на вид могу узнать (по виду).

2 января 2010 г.

Лев: Прилетит дракон, он на него – пых огнём!

Женя: Он сам хороший. Он сам думал перевоспитОтья (перевоспитаться)!

Женя о конструкторе: Он собирает машинам, поездам (?) это всё. Он отвезёт на стройку.

Я Льву: Здесь надо тоненькое растение нарисовать. Лёвчик: Тоже такое завих-рИстое?

6 января 2010 г.

Женя: Я не хочу ездить на Ерик: там не так смело (не так страшно, не так опасно лазить по деревьям).

Я: Дай 10 рублей: я подую вентилятором. Женя: Пять тысяч тысяч я тебе дал.

Женя: На каком ты свете живёшь? – Что ты имеешь в виду? – Ничего я не имел в виду! Я просто спросил, на каком ты свете живёшь.

Лев: Можешь опять мне конём угрозИть. Я побью его всё равно.

Я повторно: Жень, подари мне эту картину! Женя тоже повторно: Хорошо! Да сколько раз говорить: хорошо да хорошо!

Женя: Всё разрушилось от динозавров (из-за динозавров).

Как видим, такие, собранные по принципу «Остановись, мгновение!» «хрестоматии» включают в себя и фразеологизмы в устах ребенка, и формотворчество, которое подчас трудно отграничить от словотворчества, и детские вопросы, и повторы слов, и отзеркаливание взрослых реплик, и цитаты из песен, и междометия, когда в процессе игры ребёнок становится еще и звукорежиссером, и... и...

На материале составленных сводных высказываний детей мы пытались исследовать в отношении детского словотворчества четыре следующих феномена:

а) предпочтение, отдаваемое ребенком тем или иным способам словотворчества в разные возрастные периоды;

б) соотношение со способами словопроизводства, с одной стороны, непреднамеренного, «вынужденного» словотворчества [О Маше из м/ф «Маша и медведь»]: А чего она всегда обдразнивает [дразнит медведя по каждому поводу]? (4 г. 8 м.), а с другой – феномена языковой игры: [Сделал сложную игрушку из петуха, цыпленка и куклы, принес показать]: ЧелпетухоцЫп! (7 л. 10 м.);

в) повторяемость словотворчества: ср. в приведенных только что примерах: челпетухоцЫп – сказано единожды и более не фиксировалось, тогда как обдразнивает было несколько раз повторено при упоминании о героине мультсериала «Маша и медведь» – девочке, постоянно дразнившей медведя;

г) удельный вес словотворчества, тоже в динамике возрастных различий и изменений, в общем конгломерате всевозможных непопаданий в норму, отступлений от языковых нормативов.

Еще одно предварение. Выписывая из компендиума, континуума живой речи слово, отвечающее параметру словотворчества, мы сохраняли его контекстуальный, точнее ситуативный лик: не образовывали начальную форму. Во-первых, потому, что экспликации начальной формы не было и приписывать ребенку то, чего он не говорил, по меньшей мере, некорректно. Во-вторых, словоформа легче восстанавливает в памяти ситуацию употребления, что иногда существенно при определении способа словообразования.

Итак, первый вопрос – это возможное, гипотетическое предпочтение, отдаваемое ребенком тем или иным способам словотворчества в разные возрастные периоды.

По записям за календарный год 2010-й зафиксировано в речи ребенка в возрастном интервале: 3 г. 9 м. – 4 г. 9 м. 172 факта словотворчества, в речи же ребёнка в возрастном интервале: 6 л. 10 м. – 7 л. 10 м. – 84 факта. За три года количество примеров на словотворчество снижается наполовину. При этом интересно следующее: сохраняется процентное соотношение ведущих способов словообразования.

У четырехлетнего число «своих» слов, образованных суффиксальным способом, составляет 68 (40 %) от общего числа детских окказионализмов, у семилетнего – 40 (48 %).

Второе место с большим отрывом от первого занимает приставочный способ словообразования. Третье, с ещё большим отрывом – приставочно-суффиксальный, четвертое – префиксально-суффиксально-постфиксальный.

Слова, образованные остальными способами, и в речи четырехлетнего, и в речи семилетнего в нашем «сквозном» материале единичны, но дети этими способами словотворчества владеют. Это такие способы, как основосложение, безаффиксный способ (*пах*), постфиксация, редеривация (*чаянно*). Отдельно отметим контаминацию: *Якурск* = Якутск+Курск, *завалины* = развалины+завалы) и гендиадис: *ученый-мочёный*.

Проверим сказанное на других датах, цифрах и, соответственно, иллюстрациях.

По записям за календарный год 2009-й в речи ребенка (2 г. 9 м. – 3 г. 9 м.) зафиксировано 193 факта словотворчества, в речи ребёнка (5 л. 10 м. – 6 л. 10 м.) – 179 фактов. Количество примеров на словотворчество снизилось незначительно. При этом интересно следующее: сохраняется процентное соотношение ведущих способов словообразования.

У трёхлетнего число «своих» слов, образованных суффиксальным способом, составляет 97 (50,2 %) от общего числа детских окказионализмов, у шестилетнего – 91 (50,8 %). Приведём, соответственно, примеры.

Мозаичка, Неандерталовна («отчество»), прогретор, грушный, машиновыи, массажирка, пассажистка, игратели, самолётник, шахматинка, чаюшку, пожарочки, вынунуть, рулител и др.

Машиницы, желтянка (желтуха), квачонок, одинокость, воршицкий, разнообразность, скользота, вставитель, акулистый, сцапанье, патьемашевские, мультишно, омарёнок, щекотник, глупосничать, ловление и др.

Второе место разделили приставочный: *напил, пересобирать* (21 – 25) и суффиксально-префиксальный: *умедлил, перетачиваю* (28 – 24 факта) способы словообразования.

На долю всех остальных способов без явного «лидерства» у трёхлетнего приходится 47 (%), у шестилетнего – 39 (%). Это такие способы, как префиксально-суффиксально-постфиксальный способ (*смокнется, исфильтровалась, отиштится*), основосложение (*трактореферат, трусошорты*), безаффиксный способ (*застрив, напад*), постфиксация (*смешились, пожалелся*), редеривация (*смелится*), флектив-

ный способ (*джунглиш, тигрый*) Отдельно отметим контаминацию: *динопах* (динозавр + черепаха), *скортидил* (скорпион + крокодил).

Обобщим полученные данные по суффиксальному способу словотворчества:

три года – 193 – 97 – 50,2 %;
четыре года – 172 – 68 – 40 %;
шесть лет – 179 – 91 – 50,8 %;
семь лет – 84 – 40 – 48 %.

Таким образом, на первую половину вопроса мы ответили: дети всех четырех исследованных возрастных групп явное и устойчивое предпочтение отдавали суффиксальному способу словотворчества. Получается, что суффиксальный способ у ребёнка всегда «под рукой», этот способ хорошо освоен при мощной поддержке языковой иерархии способов, где суффиксация также лидирует.

На долю всех остальных способов в речи ребенка, сколько бы лет ему ни было, приходится в среднем 49 %. Вторая половина попыток создать своё слово, что при удивительном количественном, но не ярком на повтор примеров разнообразии способов словообразования создаёт палитру попыток ребёнка усвоить «сразу и всё».

В течение марта 2009 г. в речи мальчика (2 г. 11 м.), помимо суффиксации, префиксации, циркумфиксации, были зафиксированы такие «разовые» способы словотворчества, как безаффиксный (*Мача Ганя* от «мальчик грязный», по мотивам «Мойдодыра» К. Чуковского), постфиксация (*вспотелся, поехали*), редеривация (*смеллся, баловниц*), контаминация (*стреконожка*). В течение сентября 2009 г. в речи мальчика 6 л. 7 м., помимо суффиксации, префиксации, циркумфиксации, были отмечены такие разовые способы словопроизводства, как безаффиксный (*дубил* от дубильные вещества), постфиксальный (*сплылись, заснялась*), префиксально-суффиксально-постфиксальный (*сплылись*), основосложение (*головоглав*), основосложение с нулевой суффиксацией (*огромнокрылый*).

Принцип аналогии при словотворчестве становится доминирующим. Ср.: выггер – выггерса / вспотел – *вспотелся**, доярка – дояр / баловница – *баловниц**. Не исключена процедура гаплоггии (вставки слога) при образовании как словоформ, так и новых слов: *вм. порвана – порорвана, головоглав – скорее всего, от «голый», голая голова*.

Иногда, отстаивая своё слово, ребёнок объявляет забастовку. Так, мальчик (возраст 4 л. 11 м.) упорно говорит «*по-менЮ*» в значении «по-моему», хотя старший брат и родители неоднократно пытались его поправить, после чего смирились.

Пишет свои буквы: Я тоже делаю диктант. Теперь я буду по-менЮ учить. Только буквы не прописные. <...> Теперь делаю диктант. – «По-моему» надо говорить. – Нет, по-менЮ. По-менЮ! Смотри, по-менЮ какая «О»! (5 марта 2011 г.).

Второй вопрос – соотнесение со способами словопроизводства, с одной стороны, непреднамеренного, вынужденного словотворчества, а с другой – феномена языковой игры, что можно пронаблюдать, в частности, в приведённых выше фрагментах записи. Ср.: *Лев Жене: НевЕрицик ты! // Женя прыгает на мягком большом стуле-Пифе, поставленном на папин диван: Какой я летучий! <...> Какой я летучий сегодня! // Я Льву: Здесь надо тоненькое растение нарисовать. Лев: Тоже такое завихристое? (высказывания вполне серьёзные!) и... (правда, здесь нет фактов словотворчества, но намеренное обыгрывание взрослой речи через избыточный повтор слова присутствует): Я: Попить дать? Хочешь компотику? Женя: Хочу! Компотику! Отличная идея! Баб, спасибо, что дашь. Хорошая идея, я хочу компотику.*

Границы здесь подчас нечётки, а если иметь в виду игровую ситуацию, то слишком большое число детских слов попадёт в «преднамеренное» словотворчество. Однако исследовательская задача не столь и трудна: проходящему наблюдателю (точнее, присутствующему) всегда видно (и по детской интонации хорошо слышно!), когда ребёнок «шутит», то есть употребляет «детское слово» с пониманием, что оно детское.

В исследованном материале это касается, прежде всего, большого блока диминутивов: *не надушки, бабахушки, скушатюшки; бетоночка-мешалочка, папушка,*

клеюшек и мн. др. По нашим данным пик употребления диминутивных форм приходится на возраст 3 г. 4 м. – 3 г. 8 м.

Что же касается непреднамеренного, «серьёзного, неигрового словотворчества (хотя термин «непреднамеренное» здесь весьма условен), то в первую очередь это касается словотворчества отглагольных имен существительных: *ловление, осветление, порчение, цапанье, намывание, защищение, здорованье*.

Детская игра может протекать весьма серьёзно, тогда как «не-игра» может включать в себя слова для юмора, игровые вставки. Здесь интересна оценка сиблингового влияния, то есть влияния брата (или сестры). С одной стороны, старший брат, во-первых, становится образцом более правильной речи, например в навыке употребления синонимов: *Лев: У царя тут много слуг, и защитников у него немало. Во-вторых, старший брат иногда, время от времени, «под настроение» корректирует ошибки младшего. Женя (4 г. 10 м.): А принц ему не надавает? Не надавает подзатыльников, потому что он любит его. Лев (7 л. 11 м.): «Не надаёт» надо говорить! В-третьих, старший брат берёт на себя функцию «ответчика» на многочисленные вопросы младшего. Пересказывает к уроку «Приключение Буратино». Женя (4 г. 10 м.) рассматривает иллюстрации: А почему Пьеро так плакал? Лев (7 л. 11 м.): Потому что он по созданию был грустной куклой (3 марта 2011 г.)*

С другой стороны, сиблинги поддерживают «игровой тонус» общения, помогая друг другу в придумывании игр и соответственно игровых, новых слов, поддерживая языкотворческое начало своего собеседника. *Лепят из пластилина. Женя (4 г. 10 м.) сделал страшную голову с большими ушами: Это Чебурашка! Лев (7 л. 11 м.): Это не Чебурашка, а ЧебурБндя какой-то! <...> Лев летит мегаланию: У неё надо вот эти надглазники сделать. (26 февраля 2011 г.)*. И, наконец, в противовес первому и второму пунктам об образце, идеале речи и потенциальном корректоре-логопеду, младший брат легко повторяет за старшим не всегда правильное словоупотребление, увлекшись игровой ситуацией, например по мотивам телесериала «Один дома». *Лев: Всё! Враги кончились. Женя: Враги кончились! А завтра ещё будут? (5 марта 2011 г.)*

Третий вопрос по исследованию феномена детского словотворчества в динамике изменений касается повторяемости фактов детского словотворчества. Героев телесериала «Ледниковый период» нужно было как-то назвать, обозначить для пересказа, игры, тем более появились соответствующие игрушки. Слово было придумано: *ледникОвцы*. Естественно, оно повторялось в игровой коммуникации. Некоторые диминутивы отзеркаливались в семейном общении: старший брат сказал *нетушки, не хочешьеньки* – младший эти слова радостно подхватил. И наоборот: младший любит забираться к папе *на шеечку*, и это слово повторяется в устах старшего брата. Какие другие слова «устойчиво» повторяются, будучи однажды образованными или, точнее, какие слова воспроизводятся не единожды?

В речи мальчика в возрастном интервале 2 г. 9 м. – 3 л. 9 м. это *что-то-нибудь, надурить*.

В речи мальчика в возрастном интервале: 3 г. 9 м. – 4 г. 9 м. это *перелюбил, насержусь, летанье, кенгурушка, бандитик, проночуешь, гадятина («личное» ругательство), прокатался, проколил, надурили, держание*.

В речи мальчика в возрастном интервале 4 г. 10 м. – 5 л. 10 м. это *ловление, очищивает, крупность* и др.

В речи мальчика в возрастном интервале 6 л. 10 м. – 7 л. 10 м. это *перехочется, становление, убирание*.

Повторяемость факта словотворчества есть сигнал, во-первых, что данное слово, скорее, не окказионализм, а потенциальное слово (*людь, ловление, насержусь, одуван*), то есть приближается к потенциальным словам по частоте использования в детской речи; во-вторых, это сигнал сохранения «авторства».

Наконец, четвертый вопрос касается удельного веса словотворчества, тоже в динамике возрастных различий и изменений, в общем конгломерате всевозможных непопаданий в норму, отступлений от языковых нормативов. Для исследования этого вопроса мы выбрали произвольно три месяца фиксации «всех» непопаданий (май, сентябрь, декабрь) и просчитали процент словотворчества. Указываем процент словотворчества у младшего и старшего (разница в возрасте, напомним, составляет 3 г. 1 м.).

Май 2009 – 3 г. 1 м. – 27 (172), т. е. 15,7 %; 6 л. 2 м. – 30 (113), т. е. 26,5 %.

Май 2010 – 4 г. 1 м. – 16 (59), т. е. 27,1 %; 7 л. 2 м. – 14 (30), т. е. 46,6 %.

Сентябрь 2009 – 3 г. 5 м. – 27 (111), т. е. 24,3 %; 6 л. 6 м. – 25 (57) т. е. 43,8 %.

Сентябрь 2010 – 4 г. 5 м. – 8 (37), т. е. 21,6 %; 7 л. 6 м. – 12 (25), т. е. 48 %.

Декабрь 2009 – 3 г. 8 м. – т. е. 18 (182), т. е. 9,9 %; 6 л. 9 м. – 14 (33), т. е. 42,4 %.

Декабрь 2010 – 4 г. 8 м. – 29 (163), т. е. 17,8 %; 7 л. 9 м. – 12 (35), т. е. 34,3 %.

На двенадцать фиксированных возрастных отрезков речи двух детей в общем потоке неправильностей амплитуда процента словотворчества колеблется от 48 % до 9,9 % (соответственно 7 л. 6 м. – 3 г. 8 м.).

Трёхлетка осваивает все пласты языка, тогда как семилетний намеренно обращается к словотворчеству, сохраняя «всё остальное» как почти усвоенное.

Рассмотрим срединные показатели удельного веса словотворчества в общей стихии детской речевой оригинальности: 15,7 – 17,8 – 21,6 – 24,3 – 26,5 – 27,1 – 34,3 – 42,4 – 43,8 – 46,6.

Отбросив крайние точки (9,9 и 48,0), выведем, таким образом, среднее арифметическое для словотворчества в общем потоке. Оно составило почти третью часть: 30%.

Теперь рассмотрим приведенные процентные соотношения по вертикалям взросления с интервалом (май – сентябрь – декабрь 2009 – май – сентябрь – декабрь 2010).

Для трехлетки это: 15,7 – 24,3 – 9,9 – 27,1 – 21,6 – 17,8. Среднее: 19,4.

Для шестилетнего ребёнка цепочка показателей такова: 26,5 – 43,8 – 42,4 – 46,6 – 48,0 – 34,3. Среднее: 40,3.

Таким образом, удельный вес словотворчества в общем потоке «интересного», нетривиального, «детского» в детской речи, будь то искажение фразеологизма, нарушение формы слова, неверное ударение и т. д., обнаруживает увеличение своей доли в два раза.

Список литературы

1. Харченко В. К., Озерова Е. Г. Сложные слова в детской речи. Монография. – Белгород: БелГУ, 1999. – 158 с.
2. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. – М.: Просвещение, 1982. – 143 с.

«THE GROWTH RINGS» OF THE CHILDREN'S SPEECH

V. K. Kharchenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru*

The article deals with the preferences and share of children's creativity in word-formation based on the analysis of all the cases of the deviation from the norm revealed in speech samples of the same children conducted during 2009 – 2010.

Key words: children's speech, creativity in word-formation, means of word-formation, suffixation, contamination.